

Долгий путь от любви до любви

Автор:

Александра Плен

Долгий путь от любви до любви

Александра Плен

Первая любовь. Самая прекрасная на свете. Чистая, невинная, беззаветная. Вряд ли она проживет долго. Вряд ли она будет счастливой и закончится свадьбой. Такая любовь остается в памяти светлым воспоминанием, недостижимым идеалом, сказкой. В то время как реальность – тоскливый брак с нелюбимым человеком. Одинокая бездетная жизнь и обида, казалось навеки поселившаяся в сердце. А впереди долгий путь – от любви до ненависти, от ненависти до прощения, от прощения до любви.

Александра Плен

Долгий путь от любви до любви

Уже который год я живу в страхе. Это не тот страх, что заставляет прятаться по углам и запирается в спальне, не тот, который подстерегает в темном переулке с пистолетом в руках или проникает в тело вместе со страшной болезнью. Мой страх не заметен окружающим. Он таится глубоко внутри и не показывается наружу. Но я все время помню о нем. Я так же, как и всегда, мило улыбаюсь и флиртую с кавалерами. Я пью шампанское и хожу в театры, каждый день надеваю красивое платье и укладываю волосы, каждый день радуюсь и грущу, смеюсь и плачу.

Но страх всегда со мной, и днем и ночью, и летом и зимой, и в болезни и во здравии... Он проник в каждую клеточку моего тела и моей души, намертво въелся в сердце. Я совершила самое страшное предательство из возможных – я

предала свою любовь. Что ждет меня за это? Как накажут меня Бог и жизнь? Хотя уже наказывают. Потому что я ни разу с того времени не была счастлива. Ни одного дня, ни одной минуты.

Часть первая. Любовь

1890 год

– Роланд, мы сможем позволить Софи лето в Девоншире? – напряженным голосом спросила за обедом мама. – Ты же знаешь, если Софи не поедет, нас все засмеют.

– Амалия, – раздраженно фыркнул папа, – у меня долгов, как звезд на небе, мы не только не можем себе позволить каникулы Софи, но и, боюсь, придется ей сменить школу.

Я застыла, не донеся до рта ложечку с кусочком торта. Предпоследний класс, друзья, знакомые, недоброжелатели и завистники – вся моя жизнь в школе Солентон. Я проучилась в ней почти пять лет. Даже не так, я прожила в ней пять лет, посещая родительский дом только на Рождество и на летних каникулах. Я так привыкла к древним массивным стенам, сложенным из красного камня, которым уже более ста лет, привыкла к высоким потолкам и гулким коридорам. Самая престижная частная школа в Англии. Лучшие из лучших, самые-самые – это мы, ее ученицы. Нас всего тридцать девочек, все – наследницы огромных состояний, завидные невесты, гордость и краса королевства.

Позвольте представиться: старшая дочь виконта Нордвика, отпрыск благородного древнего рода, София Антуанетта Октавия, баронесса Нордвик. Мне семнадцать лет (точнее, семнадцать с половиной), я умею рисовать, играть на арфе и фортепиано, читаю и пишу по-французски и по-немецки. Пою. Хорошо знаю латынь. И еще много всего, так необходимого молодой, хорошо воспитанной девушке.

– Что ты такое говоришь, Роланд?! – воскликнула мама. – Мы не можем забрать из пансиона Софи! Ей осталось доучиться всего год. Ты же знаешь, как сейчас модно для девушки иметь хорошее образование. Наша возлюбленная королева...

Мама села на своего любимого конька и еще некоторое время продолжала петь оды королеве Виктории.

– После принятия закона о всеобщем образовании не знать латынь было бы верхом неприличия... – распиналась мама дальше, папа пытался вставить слово, но куда там! – Сейчас не только мальчики из аристократических семейств обязаны пройти обучение в Итоне или Кембридже, девочки также имеют возможность получить приличные знания. Даже дети крестьян и рабочих ходят в школу, а ты хочешь лишить наших девочек...

Сама виконтесса Амалия Нордвик (моя обожаемая мама) всегда шагала в ногу со временем. Обучалась в престижной частной школе для девочек в Оксфордшире, говорила на итальянском, французском и немецком языках, умела поддерживать беседу на любые темы. И постоянно кичилась этим перед папой, который кроме английского других языков не знал, хоть и закончил в свое время Итон.

– Да я не об этом, – махнул расстроенно рукой папа, – я о том, что школа стоит огромных денег. Несколько тысяч фунтов в год, Амалия! Где их взять?!

– Можно подумать, это ты платил за прошлый год! – фыркнула мама. – Мой отец оплатил Софи школу.

– В прошлом – да, а в следующем? – насупился папа. – Твой обожаемый отец – непредсказуемый тип. То он дает деньги, то даже не отвечает на просьбы.

– А нечего было называть его выскочкой и нуворишем...

«Началось», – хихикнула в кулак я и перевела взгляд на потолок. В такие минуты я рассматривала лепнину, роспись или гобелены с вышивкой, которыми были затянуты стены столовой. В нашем древнем замке было на что посмотреть. Правда, гобелены несколько поистрепались, лепнина потрескалась и кое-где осыпалась, а стул подо мной так и норовил развалиться, но мне все нравилось – и пыль, и запустение, и некий налет ветхости и древности на замке. Каждый раз,

приезжая на каникулы домой, я открывала для себя что-то новое и интересное. То картинную галерею в западном крыле, то чердак с пыльной поломанной мебелью восемнадцатого века, то изящный орнамент с амурчиками в странных позах на потолке оружейной. До двенадцати лет я жила с родителями, потом меня отдали в пансион. После этого каждый приезд в родовой замок Нордвик становился для меня событием. Замок был построен еще в семнадцатом веке на берегу Ирландского моря в живописном уголке графства Камберленд. И пусть здесь почти всегда ветрено и сыро, я очень любила свой дом.

Мама была дочерью богатого промышленника, разбогатевшего на производстве ткани, шерсти и кожи и получившего рыцарское звание за заслуги перед короной лишь двадцать лет назад. Так что, теоретически, мезальянсом их брак не был. Мама и папа были дворянами. Но иногда я слышала, как ругались родители (а делали они это довольно часто). Обвинения в низком происхождении звучали из уст папы в ответ на мамины заявления о нищенском прозябании виконта до свадьбы и огромном приданом, которое спасло семью Нордвик от разорения.

«Но, видимо, ненадолго», – подумала рассеянно, прислушиваясь к разговору, который велся уже на повышенных тонах.

– Куда ты мог деть пятьдесят тысяч фунтов приданого?! – воскликнула мама, и я вздрогнула, очнувшись от задумчивости.

– Во-первых, дорогая, – саркастически произнес отец, – твои пятьдесят тысяч были потрачены еще двадцать лет назад. Ты знала, что почти все пошло на оплату долгов моего отца.

Он в раздражении бросил на стол вилку.

– После свадьбы я не получил ни фунта сверх приданого, хотя не раз обращался за помощью к тестю.

– Нужно было с умом управлять землями и распоряжаться деньгами, а не вкладывать в сомнительные авантюры, – бросила в ответ шпильку мама. – Ты всегда был бесхарактерным и безвольным. Прав был мой отец...

«Опять», – вздохнула я. В последнее время мама и папа ссорились очень часто. Почти каждый день. Если я правильно поняла, то папа потерял деньги, вложив их в спекулятивные акции и прогорев на них. Мама постоянно шпыняла его за неспособность заработать, а папа в ответ говорил, что лорд и не должен зарабатывать, «пусть зарабатывают плебеи, такие как тесть». После этого (как правило) было слышно звон битой посуды и крики мамы «Лучше бы я приняла предложение графа К...» или «Ты ничему не научился в Итоне, только проигрывать на скачках и в карты!» – и все в таком роде. После таких ссор родители по несколько дней не разговаривали, а я старалась не попадаться им на глаза, проводя все время с младшей сестрой в ее комнатах.

Адели было десять лет. Она не садилась с нами за стол и ела обычно в своей спальне в обществе няни. Адель родилась с больными легкими. Поэтому она постоянно кашляла, и у нее был плохой аппетит. Полгода она проводила в Бате на водах, полгода – на южном побережье Франции и только несколько недель летом в нашем поместье. Так что видела я сестру редко. Мы почти не общались: няня запрещала ей долго разговаривать (чтобы не напрягала легкие), доктор советовал не перегружать обучением (в десять лет она умела только читать и плохонько писать). Я сама развлекала ее. Рассказывала о своем пансионе, читала вслух книги, описывала своих подружек. Адель слабо улыбалась и тихонько кашляла в платок. Бледная, худенькая и слабенькая, сестра была постоянной головной болью родителей и моей сердечной болью.

* * *

– Роланд, ты хочешь сказать, что наши дела совсем плохи? – наконец спросила мама, поднося платочек к глазам (наверное, решила не доводить дело до скандала). – И мы в этом году не поедим с Аделью в Бат? Я виделась с графиней Мерсисайд, и мы договорились встретиться...

– Не знаю, Амалия, – папа встал и бросил на стол скомканную салфетку, – если удастся взять в долг...

– Но девочке нужен теплый климат, ты же знаешь, – всхлипнула мама, – бедная Адель не сможет перенести зиму в Англии. Мы весьма недорого сняли виллу в прошлом году в Неаполе.

Папа раздраженно махнул рукой.

- Попроси у своего отца, – бросил он сквозь зубы, – пусть даст.

- Папа и так оплачивает пансион Софи и дал нам денег на поездку в Бат в прошлом году. Он тогда сказал, что помогает в последний раз, – и добавила: – Я же тебе говорила.

- Значит, попроси еще. Поплачь, – папа был злым и раздраженным. – Ты же это умеешь. Я пройду. Не жди меня к ужину.

И, развернувшись, быстро вышел из столовой, громко хлопнув дверью.

- Только и знаешь, что пить и играть на скачках, – буркнула мама закрытой двери. – И зачем я погналась за титулом?

Мама перевела взгляд на меня. Вопрос, скорее всего, был риторическим и ответа не предусматривал. Я легко пожала плечами и встала из-за стола.

- Пойду к Адели, почитаю ей, – произнесла, вежливо присев. Мама расстроено махнула рукой и принялась за второй кусок торта. Я быстро вышла из столовой.

Если я правильно поняла, то наша семья давно уже балансирует на грани бедности. Из всех домов в более-менее жилом состоянии остались только родовое поместье да особняк в Лондоне. Земли давно уже были распроданы, причем даже не папой и не его отцом, а гораздо раньше. Выгодная женитьба сына, по-видимому, смогла ненадолго отсрочить погружение семьи в бездну. Нужно было менять образ жизни или предпринять еще какие-то кардинальные меры, но что папа, что покойный дедушка по папиной линии, что прадедушка нисколько не заботились о возрождении былого богатства. Максимум, что они делали, это женились на богатых наследницах. Но, как видно, способ оказался не очень действенным, точнее недолговечным.

* * *

Я приехала на летние каникулы домой, в замок Нордвик, но через две недели должна была ехать на юго-западное побережье в престижный пансионат Торки «Изумрудная бухта». Он был на все лето арендован нашей школой для двух

классов – выпускного и предвыпускного (то есть моего). Два месяца на берегу моря – солнце, песок, пальмы... Я считала само собой разумеющимся, что поеду вместе со всеми, и с огромным нетерпением ждала каникул. Мы с девочками мечтали о глотке свободы после строгой школьной дисциплины и постоянного надзора гувернанток. Все разговоры в последние месяцы были только об этом. Мои подружки, графиня Бергшир и виконтесса Девон, уже сшили себе купальные костюмы и хвастались, что выглядят в них очень по-взрослому и даже слегка фривольно.

С нами на побережье должна была поехать почти половина учительского состава школы (только женского), так как было решено, что эти два месяца мы будем практиковаться, совершенствуя навыки владения французским и немецким языками.

У меня тоже был купальный костюм, правда, не такой модный, как у подружек. Мне его сшили в прошлом году, когда мы с родителями и Аделью ездили в Бат. пышное голубое платье до колен, штанишки с бантиками, легкие туфли и шляпка. Я в нем выглядела маленькой девочкой, но на мою просьбу пошить что-то более модное и открытое мама ответила, что девушке в моем возрасте неприлично открывать ноги (даже в чулках) и носить обтягивающие вещи. Странно было услышать такое из ее уст: я всегда считала маму просвещенной и современной женщиной. Сейчас я думаю, что, возможно, это была не забота о моей репутации, а банальная экономия.

Я была послушной дочерью и никогда не перечила родителям. Нет, так нет. Я бы даже ни слова не сказала, если бы они отказались посылать меня с классом. Но так как это было дело престижа семьи, то деньги нашлись. Не знаю, откуда – то ли дедушка дал, то ли папа занял – меня это не интересовало. Главное – я поеду!

* * *

Мы сели в Уинчестере на поезд и отправились в Девоншир. Нас было пятнадцать девочек в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, с каждой ехали компаньонка и горничная. Сопровождали нас десять учительниц из пансиона. В общем, толчея на перроне при отправке поезда получилась приличная. У каждой девушки было отдельное купе, но мы с подружками всю поездку просидели в моем, мечтая, как будем купаться и загорать вдали от родителей и строгих учительниц. Два месяца свободы и развлечений! Потом опять начнутся занятия,

этикет, танцы, музицирование. Поездка в Лондон, представление ко двору, потом (возможно) ярмарка невест, помолвка, свадьба. Но это в будущем, которое еще пока далеко, а сейчас... Сейчас нас ждут приключения и опьяняющее чувство свободы!

Я выбросила из головы проблемы и ссоры родителей из-за денег. В семнадцать лет меня нисколечко не волновали такие сложности. Жизнь казалась захватывающим приключением, а все происходящее – увлекательной авантюрой. Я предвкушала два месяца сказочных головокружительных открытий. Мне было семнадцать, и я страстно хотела новизны и впечатлений.

Я впервые была одна так далеко от дома, и мне все очень нравилось. Мы, как стайка разноцветных птичек, щебетали и порхали, не в силах усидеть на месте. Конечно, я ездила в поезде, конечно, я видела море. Но поездка с папой, мамой, Аделью и кучей прислуги отличалась от этой поездки как небо от земли. Учителя оставили нас в покое, моя компаньонка, мадмуазель Буше, отправилась пить чай с другими сопровождающими, а мы наслаждались болтовней, мелькающими в окне видами и рассматривали картинки в модных журналах, «случайно» оказавшихся в сундуке у Лилии, графини Бергшир.

* * *

Пансионат представлял собой несколько небольших двухэтажных коттеджей, расположенных в живописной бухте. Большая территория была обсажена кипарисами, за которыми виднелся высокий решетчатый забор, плавно уходящий в море. Нам выделили по отдельной комнате на втором этаже, прислугу поселили на первом. После того как все расположились, мы с девочками переоделись и побежали на пляж. Мы резвились и плескались как дети, мадмуазель Буше только улыбалась, сидя в шезлонге рядом с другими женщинами.

Моя компаньонка была француженкой. Мама нашла ее по протекции своей подруги, графини Мерсисайд, и я до сих пор благодарю судьбу, что мне так повезло. Француженка (по слухам, она происходила из разорившегося рода французских аристократов, сбежавших в Англию после революции) была старше меня всего на десять лет, имела легкий веселый нрав и доброе сердце. Она жила в нашей семье всего полгода и после того, как я выйду замуж, должна была остаться присматривать за Аделью.

* * *

Постепенно у нас установился следующий распорядок дня. После завтрака мы занимались французским или немецким, потом обязательная экскурсия в Торки. После обеда – на пляж. Игры на открытом воздухе, крикет, пинг-понг. Шахматы или бридж. Ужин и девичьи сплетни в гостиной. Иногда после ужина, захватив с собой книгу, а чаще альбом для рисования, я уходила на пляж любоваться закатом.

Я любила рисовать. Было удивительно наблюдать, как под карандашом на белом листе оживают цветы или наполняются ветром паруса яхты, которую частенько можно было видеть на горизонте. Конечно, великой художницей я становиться не собиралась, да мне это и ни к чему. Леди не должны зарабатывать. Поддержать разговор на французском, усладить слух гостей или мужа игрой на фортепиано, развлечь зарисовками видов парка или акварелями. Пожалуй, все. Это у меня хорошо получалось, я только не любила вышивать, хотя и умела.

Атмосфера свободы и праздника не покидала нас. Даже строгие и чопорные учительницы, заставлявшие весь год зубрить склонения и заучивать гаммы, превратились в улыбчивых милых дам. На территории пансионата мужчин не было. Только возчики рано утром привозили на подводах продукты, свежее молоко, хлеб. Кухарки, служанки и даже садовница – все были женщинами.

* * *

За две недели я немного загорела. И пусть шляпка всегда была на моей голове, даже во время купания, на носу появилась россыпь так не любимых мною веснушек, а золотистые волосы разнообразились выгоревшими белоснежными прядками.

В этот раз я решила забраться в дальний уголок территории. Здесь почти у самой ограды рос прелестный розовый куст. Чайные розы так и просились на холст. После ужина я, взяв альбом и карандаши, тихонько ускользнула. Нужно было поймать угасающие лучи заходящего солнца. Я увлеченно рисовала, пока совсем не стемнело. Розы на бумаге выглядели потрясающе. На каждой ветке по пять, а то и по шесть роскошных бутонов в обрамлении широких зеленых

листьев. Положив альбом на песок, с удовольствием потянулась, поднимая и разводя руки. И вдруг услышала шорох. Испуганно обернулась. За оградой, на противоположной стороне, кто-то сидел. И, по-видимому, давно. Удобно расположившись, сложив ноги по-турецки и подперев голову ладонью. В сумерках я не могла разглядеть лица, оно размытым пятном белело за решеткой забора.

- Кто здесь? - послышался в тишине мой дрожащий голос. - Что вы здесь делаете?

- Не пугайтесь, мисс, - произнес приятный мужской голос, - я вышел прогуляться и увидел вас, увлеченную рисованием. Не хотелось мешать. Я уже час наблюдаю за вами. Чем же так привлек вас этот куст? Можно посмотреть?

Я осторожно встала и подошла к ограде. Через решетку сумела рассмотреть симпатичного юношу, возможно лет восемнадцати-двадцати. Он добродушно улыбался, даже не пытаясь приблизиться, видя мою застенчивость и пугливость.

- Возьмите, - протянула я альбом ближе к забору, - можете посмотреть.

Молодой человек протянул руку сквозь прутья и взял альбом. Несколько минут рассматривал розы, потом принялся молча перелистывать страницы. Пляж, яхта, закат, смеющаяся графиня Бегшир, моя сестренка...

- Вы прекрасно рисуете, мисс! - в голосе сквозило восхищение. - Вы художница?

Впервые мои картинки оценивал посторонний человек. Мама рассеяно, всегда на бегу, хвалила меня, если я успевала ей показать хоть что-то. Учителя постоянно указывали на недочеты и критиковали стиль. Но вот так, совершенно чужому человеку, я показывала свой альбом впервые.

- Нет, - рассмеялась я, - какая из меня художница! Просто увлечение, одно из многих.

- И у вас чудесно получается! - воскликнул молодой человек, а потом, словно опомнившись, протянул руку: - Позвольте представиться - мистер Роберт Уайт. А как зовут вас, прекрасная незнакомка?

– Мисс София Нордвик, – улыбнулась я. Меня еще никто не называл прекрасной незнакомкой. Было так непривычно и интересно стоять здесь, на пляже, в таинственных сумерках и разговаривать с мужчиной.

– Вы здесь отдыхаете? – задал вопрос Роберт.

– Да, – ответила я, – мы с классом на каникулах. Школа для девочек Солентон из Нортгемптона. А вы что делаете в Торки?

– Я работаю на каникулах, – послышался в темноте тихий голос, – в пансионате для мальчиков. Вот он.

Молодой человек показал за свою спину, вдалеке виднелась темная громадина здания.

– Как интересно! – воскликнула увлеченно я. – И чем вы там занимаетесь?

– Всем понемногу, – рассмеялся Роберт. – Это школа для мальчиков десяти-пятнадцати лет. Преподаю на каникулах физику, химию, астрономию. Мисс Нордвик, вы разве не знаете, какие великолепные звезды на побережье?

Я отрицательно покачала головой, потом, спохватившись, что в темноте он мог не заметить, ответила:

– Нет, не знаю... Признаюсь честно, я не очень увлекаюсь астрономией.

– Именно на побережье ее и лучше всего изучать. Только здесь, где линия горизонта сливается с земной твердью, и нужно рассматривать звезды, – тихим завораживающим голосом произнес Роберт. – Вам несказанно повезло встретить меня. Вы только посмотрите...

Я подняла голову и ахнула. Небосклон сиял миллионами бриллиантовых искр. Это было восхитительное зрелище! Они переливались, сверкали, вспыхивали и гасли. Все небо до самого горизонта пылало огнями.

– Вон, видите... – мужчина чуть притронулся к моей руке: я даже не заметила, что он подошел почти вплотную к решетке. Я испуганно отпрянула от забора.

– Нет-нет, не пугайтесь, мисс, – его тихий ласковый голос в темноте укутывал, словно пуховым одеялом. – Смотрите, на юге, почти на горизонте, Большой Квадрат Пегаса, а в углу, на северо-востоке, три яркие звезды...

Я силилась рассмотреть в огромном сверкающем скоплении этот квадрат. Но, боюсь, у меня так ничего и не получилось. Все звезды сливались воедино. Тем временем молодой человек продолжал:

– Это Альферац, Мирах и Аламак, самые яркие звезды Андромеды. Прекрасно, не правда ли?!

В голосе Роберта звучало такое восхищение и восторг, что даже я, далекая от астрономии личность, прониклась его энтузиазмом.

– Прекрасно, – эхом подтвердила я, – но боюсь, я так и не нашла ваш квадрат Пегаса.

Мужчина прыснул.

– Простите, мисс, я увлекся. Я изучаю физику и геологию в Кембриджском университете. И подрабатываю там же.

– А как это? – удивилась я.

– Это значит, что обучение у меня бесплатное, но на еду, жилье и прочее нужны деньги, – рассмеялся молодой человек.

– Простите за бестактность, – я смутилась.

– Что вы, мисс. Нечего прощать. Пишу домашние задания молодым богатым бездельникам в Кембридже, даю уроки на каникулах... – он хмыкнул. – Много еще всего.

– Интересная у вас жизнь, господин Уайт, – восхитилась я.

– Да, – рассмеялся мужчина, – можно и так сказать.

– Ой, – я вдруг спохватилась, – поздно уже, мне пора.

Я отошла от забора.

– Мадмуазель Буше будет искать...

– Подождите, мисс! – мужчина взволнованно прижался к решетке. – Я смогу увидеть вас завтра? Вы еще придете рисовать?

– Не знаю... – растерянно произнесла, и вдруг чисто женское кокетство заставило лукаво добавить: – Возможно.

– Я буду ждать, мисс Нордвик, – от его хрипловатого голоса внутри меня все затрепетало.

Подхватив юбки, побежала к корпусам. Сердце стучало от волнения, вызванного необыкновенным приключением. Я познакомилась с молодым человеком! Впервые разговаривала с мужчиной наедине! Правда, я не очень его рассмотрела – было темно, и я смущалась – но завтра... Я замерла. Неужели пойду?...

* * *

Конечно же, я пошла... На следующий день мы встретились, когда солнце только-только опустилось за горизонт. Когда я подошла к забору, Роберт уже стоял с той стороны, опираясь на решетку. Высокий, стройный, одетый в парусиновые светлые брюки и белую рубашку с закатанными рукавами. Услышав шорох, юноша обернулся и улыбнулся, тепло, хоть и (может, мне это только показалось?) немного грустно. Я протянула руку.

– Добрый вечер, мистер Уайт, давно ждете?

– Красивую девушку можно ждать вечно, – вроде бы банальность, но мне показалось, что прекраснее комплимента мне никто не делал.

– Я поспрашивал в округе, – он кривовато улыбнулся, – мне рассказали, что сейчас в вашем пансионе отдыхают самые титулованные девушки Англии. Сплошные герцогини, графини и баронессы...

В его голосе было что-то похожее на смущение. Я тряхнула головой и весело рассмеялась.

– Ну что вы! Я всего лишь дочь виконта и не планирую в ближайшем будущем менять титул и становиться, к примеру, герцогиней.

– Точно? – переспросил молодой человек, уголки губ дрогнули. – Обещаете?

– Обещаю! – торжественно произнесла я.

– Ловлю на слове, – заулыбался Роберт. Я зачарованно уставилась на преобразившееся лицо.

Открытый ясный взгляд притягивал, словно магнит. У него было умное подвижное лицо, высокий чистый лоб, широкие прямые брови и твердый подбородок с ямочкой. Его улыбка была самой доброй и искренней на свете. Серые глаза лучились теплотой и дружелюбием. В моем окружении никто так не улыбался. Мама чуточку поднимала уголки губ, не разжимая рта, папина улыбка и вовсе была похожа на саркастическую усмешку. А от улыбки Роберта мне самой хотелось улыбаться.

– Что вы сегодня будете рисовать? – поинтересовался он.

– Мне все равно, – ответила я, и вдруг непроизвольно вырвалось: – А может, мы просто поболтаем? Вы мне еще раз покажете Андромеду... На этот раз я постараюсь рассмотреть.

– Замечательное предложение! – улыбнулся молодой человек. – Астрономия – мой конек, я могу говорить о звездах часами...

– Отлично! – улыбнулась я. – Показывайте, я вся внимание!

* * *

Мы с Робертом стали встречаться каждый вечер. Просто удивительно, как быстро я научилась изворачиваться и сочинять небылицы. Я, считавшая себя самой честной и искренней девушкой на свете, бессовестно врала компаньонке, что «у меня солнечный удар, лягу пораньше», «я накупалась и устала», «я буду читать в спальне, нужно повторить упражнение по французскому языку», «хочу написать письмо родителям»... И прочее, и прочее. А сама запирала спальню изнутри и выбиралась по балконам и террасам в сад.

Иногда прийти не получалось. Тогда я предупреждала Роберта запиской, приколотой к шипам розового куста, росшего у ограды. У нас был свой тайный код: если я приду – рисовала на клочке бумаги распущенную розу, если не смогу – закрытый бутон.

Однажды Роберт пытался показать мне созвездие Кассиопеи. Но у него ничего не получалось, так как очень неудобно было ориентироваться по его руке, просунутой через решетку забора.

– Нет, мне это уже надоело! – ругнулся он и поднялся на ноги. – Отвернитесь, мисс София.

Я удивленно наблюдала за ним снизу, сидя на земле. Что он задумал? Мужчина принялся стягивать с себя рубашку. Я смутилась и опустила голову. Через минуту до меня донесся плеск – Роберт огибал ограду вплавь, по воде. Я сидела, не смея поднять глаза.

– Я уже оделся, отомрите, мисс, – произнес Роберт насмешливо. Я подняла голову. Он стоял рядом, с волос капала вода, одежда была чуть влажной, ведь он натянул ее на мокрое тело. Роберт уселся рядом со мной и продолжил разговор с того места, на котором мы остановились, словно ничего особого не произошло. Сначала я смущалась, ощущая волнующее мужское присутствие так близко. Но потом увлеклась и через десять минут уже и забыла, что нужно испытывать неловкость и стеснение.

С этого дня он каждый раз встречал меня с моей стороны ограды.

Роберту было двадцать два. Он был единственным сыном приходского священника из Суффолка. С детства увлекался механикой и физикой. В пятнадцать лет самостоятельно смастерил велосипед. И ни разу не усомнился, какую профессию выбрать в жизни.

До чего же интересно он рассказывал! Самый обычный камушек на его ладони обретал увлекательную историю и свою собственную жизнь, от рождения в недрах земли до появления в его руке. Мне казалось, что Роберт – прирожденный педагог, и ученики должны обожать его. Он забывал обо всем, страстно описывая паровую машину, толкающую поезд, механические повозки и большие мощные телескопы, в которые можно увидеть Венеру и Марс. Его лицо дышало восторженностью и азартом. Он заражал своим пылом, и я внимала каждому слову, подпадая под его мощное обаяние.

– Вы бы слышали проповеди моего отца по воскресеньям! – смеялся Роберт. – Вот кто настоящий оратор!

– Вы талантом пошли в отца, – отвечала я. – Никогда не хотели стать священником?

– Нет, – задумчиво ответил мужчина, – всегда хотел быть инженером, физиком или геологом.

– Наверное, я слишком материалист, – добавил Роберт через некоторое время.

– Материалист? – тихо переспросила я. – Как это? Вы что, не верите в Бога?

Я повернулась к Роберту и мрачно уставилась ему прямо в глаза. Он улыбнулся краешком губ. А я вдруг ощутила, что мои губы непроизвольно растягиваются вслед за его. Какая же у него обаятельная и красивая улыбка! Внутри все затрепетало, словно под кожу забрались бабочки.

– Мисс, вы бы слышали наши споры с отцом о божественном происхождении человека и жизни на земле, – таинственно прошептал он, – чуть до драки не доходит...

– Вы что, последователь мистера Дарвина?! – округлила глаза, стараясь казаться серьезной. – Вы один из тех молодых людей, которые думают, что мы произошли от обезьян?!

И добавила обиженно, надув губы:

– Я что, похожа на обезьянку?

– Ни капли, – улыбнулся Роберт. – Вы самая красивая девушка на свете, мисс София. И если теория мистера Дарвина верна, то ваша предшественница была принцессой среди обезьянок.

Я не могла дальше дуться и прыснула в кулачок.

– Вы льстец, мистер Уайт! – и смущенно опустила голову.

– Нисколечко, – ответил Роберт хрипловатым голосом. Я подняла глаза и встретилась с его пристальным взглядом, – я всегда говорю только правду.

* * *

Он показывал мне известняк и перламутровые раковины, панцири моллюсков, выброшенные на берег, частицы слюды и кварца. В руках Роберта каждая раковина, каждый камешек превращались в удивительную находку. Он увлеченно рассказывал о том, как веками ветер, дождь, солнце разрушали горы, осыпали скалы, дробили камни, превращая их в миллиарды песчинок, делая из них песок, на котором мы сидим. Это было очень интересно и познавательно, но больше всего мне нравились его рассказы о звездах и созвездиях. Я все-таки нашла Большой Квадрат Пегаса и рассмотрела туманность Андромеды.

– Когда-нибудь наши потомки обязательно полетят к звездам, – взволнованно говорил он, сидя на пляже, подняв голову к небу и опираясь руками за спиной. – Вы читали Жюль Верна? «С Земли на Луну», например?

– Нет, к сожалению, – ответила я, исподтишка рассматривая рельеф напрягшихся на руках мышц, четко проступающих через тонкое полотно его рубашки. Закатанные до локтей рукава открывали крупные сильные руки

человека, привыкшего к физическому труду.

- Почитайте обязательно, - страстно продолжал Роберт, - очень интересно!

- Боюсь, что путешествия на Луну вряд ли меня заинтересуют, - рассмеялась я, - вот если бы он писал о том, как удачно выйти замуж или руководство по привлечению завидных женихов...

- Думаю, баронесса, у вас не будет сложностей с реализацией этой задачи, - сухо произнес Роберт, глядя в сторону. Впервые на моей памяти за две недели почти ежевечерних встреч он вспомнил о моем титуле. После того раза, когда он говорил о наследницах и о нашем пансионате, мы больше ни разу не заговаривали о социальном неравенстве.

- А давайте я нарисую ваш портрет? - мне хотелось сделать ему что-то приятное.

- Это, пожалуй, единственное, что у меня получается лучше, чем у вас, - рисовать, - лукаво добавила я.

Роберт мгновенно оттаял.

- Мисс София, вы даже не представляете, сколько у вас удивительных талантов, гораздо более выдающихся, чем у меня.

Ну вот, опять он смущает меня комплиментами. И я не могу оторвать глаз от его лица, от улыбки, от смеющихся прищуренных глаз...

Взяв альбом, широкими штрихами стала наносить контур головы. Роберт немного смущенно приподнял брови и спросил:

- Мне нужно как-то позировать? - я мотнула отрицательно головой. - Признаюсь честно, меня впервые рисуют.

- Не отвлекайтесь, - улыбнулась я, - продолжайте занимать меня беседой, у меня прекрасно получается и рисовать, и слушать вас...

Роберт рассмеялся, откидываясь назад и вновь опираясь на руки. Я невольно залюбовалась четким профилем, рельефными мышцами на плечах и груди.

– Хорошо, тогда слушайте рассказ о моем первом провале. В шесть лет я решил сделать себе телескоп, – таинственным голосом начал он. – Украл у отца очки, дело стало за трубой...

Роберт рассказывал, а я беззастенчиво любовалась им. Следила за выразительными красивыми губами, наблюдала, как двигается кадык на горле, как неосознанно, привычным движением мужчина стряхивает песок с ладоней или убирает челку со лба, а моя рука, словно живя своей собственной жизнью, порхала над бумагой, перенося на белый лист толику его обаяния и привлекательности.

– А моя жизнь скучна, – через некоторое время улыбнулась, откладывая альбом. Стемнело, и я почти не видела, что рисую. – Я самая обычная девушка. Совершенно неинтересная. Школа, манеры, осанка, этикет...

Мне хотелось тоже что-то рассказать о себе, но ничего не приходило на ум. У Роберта жизнь была более насыщенной и разнообразной. Что я могла поведать? Как сплетничаем с подружками о шляпках? Или о представлении ко двору в следующем году?

– Не может такого быть! Я уверен, у вас очень интересная жизнь, и вам есть что рассказать, – убежденно заявил Роберт. Он аккуратно взял мою ладонь и начал легонько поглаживать тоненькие пальчики. – И я бы ни за что не назвал вас неинтересной. Ваша красота, как солнечный луч, освещает тьму. Вы сияете ярче звезд на небе. Вы умеете слушать и сопереживать. Вы искренни, открыты и необыкновенно очаровательны...

Я вспыхнула от восторга. Так естественно и безыскусно это прозвучало. Ни капли лести или лицемерия. Словно он и вправду так думает (сама-то я считала себя неинтересной и скучной особой). Я смотрела в его глаза и видела отсвет отражающихся в них звезд, сияющих над нашими головами. Роберт, словно зачарованный, медленно наклонился ко мне. Меня окутало теплом и странным волнующим запахом его горячей кожи. Сердце застучало быстро-быстро, в горле пересохло... И тут я, словно очнувшись ото сна, резко отпрянула.

– Я вспомнила! – воскликнула дрожащим голосом. – Однажды, когда мне было то ли четыре, то ли пять лет, я чуть не утонула в ванной.

– Да? – прохрипел Роберт, опустив голову. Казалось, он забыл, как разговаривать, и с трудом справлялся с собственным голосом. Молодой человек тяжело вздохнул и поменял позу, немного отодвинувшись.

– Признайтесь, мисс, – в конце концов, произнес он, – вы хотели стать рыбкой?

– Да, – рассмеялась я, – наверное. Меня тогда купала няня, и я решила показать ей, как долго могу задерживать дыхание под водой. Правда, я почему-то решила это продемонстрировать, когда она ушла за полотенцами. Я зажала нос пальцами и опустилась на дно ванны. Но, поскользнувшись, съехала и разжала руки. Потом не помню, наверное, в панике, вдохнула воздух, то есть воду внутрь, – я тараторила без умолку, жутко волнуясь от его серьезного вида, от напряженного тяжелого взгляда. – Пришла в себя уже в кровати, возле меня хлопотали доктор, мама, перепуганная няня и горничная. Внутри плескалась мыльная вода, было противно и стыдно, особенно после того, как няню уволили...

Роберт молча пристально смотрел на меня, я растерялась и смутилась от этого чисто мужского горячего взгляда.

– Вот такая история, – неловко пожала плечами. – После того случая я несколько лет боялась воды. И, конечно же, не плавала в водоемах.

Мы немного помолчали.

– Пожалуй, мне пора, мисс.

С этими словами Роберт сильно оттолкнулся руками от земли и одним изящным движением поднялся на ноги. Странно, он не протянул мне руку, как делал обычно, чтобы помочь подняться. Быстро раздеваясь и вешая одежду на прутья решетки забора, он уверенно шел к морю. Я всегда отворачивалась в эти минуты, но не сегодня. Сегодня я зачарованно смотрела на широкие плечи, на обнаженную спину, сужающуюся к талии. На сильные мышцы ног, ягодиц. Золотистый загар покрывал гладкую манящую кожу. Я залюбовалась. Он был живым воплощением молодого бога. Гибкий, стройный, грациозный. Как

Аполлон, мраморную статую которого я видела в музее в Лондоне, только гораздо красивее. Впервые я увидела вживую полуобнаженное мужское тело, и оно мне необычайно понравилось.

Роберт вплавь обогнул забор (мне показалось, что в этот раз он плыл дольше, чем обычно) и вышел на берег с другой стороны. Я мельком взглянула на выходящего из воды обнаженного мокрого мужчину и, вспыхнув, опустила голову. Как он прекрасен! И пусть было почти темно, и фигуру скрывали кусты, но в памяти намертво запечатлелась совершенная мужская красота. Сердце колотилось как сумасшедшее. Щеки горели, я боялась, что расплачусь от переизбытка чувств. Через некоторое время из-за забора послышался тихий шёпот:

- До завтра?

- До завтра... - эхом ответила, не поднимая головы.

Уже глубокой ночью я закончила портрет. Красивое открытое лицо смотрело на меня с листа и улыбалось. Губы изогнулись, словно готовясь произнести какую-то шутку. Чуть прищуренные глаза, растрепанные волосы, распахнутый ворот рубашки... Я поставила рисунок на стол, подперев стопками книг, и задумчиво рассматривала. Меня охватило странное нереальное, почти потустороннее состояние. Кожа покрылась мурашками, глазам стало горячо. Я сидела в кресле и десятки разных мыслей проносились в голове, а глаза не могли оторваться от портрета. Такое родное, дорогое лицо. Самое любимое лицо на свете. Сердце наполнялось мощным всепоглощающим желанием - видеть его всю жизнь, улыбаться, ловить ответную улыбку, быть рядом... Я смотрела и не могла насмотреться.

* * *

Ощущение недосказанности не покидало меня весь день. Что-то я вчера упустила, что-то важное, особенное... Днем мне в голову внезапно пришла ошеломительная мысль: вдруг он уедет, и я больше никогда его не увижу?! Я в панике металась по пансионату, коря и ругая себя, что за несколько недель даже не взяла его адреса! Наверное, у нас были сходные мысли, так как вечером, как только я приблизилась к Роберту и протянула ему руку, он торопливо спросил:

– Долго вы еще будете здесь отдыхать?

– Месяц, а вы? – я с таким же нетерпением ждала ответа, сжимая кулачки.
Роберт облегченно выдохнул:

– Почти до сентября, – и добавил: – Я могу вам написать в школу, мисс Софи? Вы будете читать мои письма?

– Я буду их ждать с огромным нетерпением, – ответила серьезно, отрывая листок альбома и записывая на уголке адрес.

Роберт взял мою руку и поднес к губам. Разжав ладонь, перехватил белый листик и нежно поцеловал в центр ладошки, потом провел указательным пальцем от запястья до пальчиков. Я зачарованно смотрела на темную макушку, чувствуя на коже теплое дыхание. Бабочки побежали по руке, по плечу и забрались в живот, щекоча его изнутри. Сердечко замерло.

Роберт лукаво посмотрел снизу вверх и быстро спрятал листик в карман брюк.

– Первое желание исполнилось, – с хрипотцой пробормотал он, – второе...

Его руки обняли меня и ласково притянули ближе. Меня окутало теплом его тела и свежим морским запахом, исходящим от кожи. Я не испугалась, только тихонько удовлетворенно выдохнула. Это было и мое заветное желание. Именно здесь, в его объятиях, я и мечтала оказаться с утра. Подняла глаза и утонула в безграничной нежности, плескавшейся во взгляде Роберта.

Первый поцелуй. Долгожданный. Робкий, нежный, сладкий-сладкий... Трепетное прикосновение губ, теплое дыхание на щеке. Таинство, зарождающееся под темным небом. В тот вечер Роберт не рассказывал мне о минералах и не показывал созвездий. Гораздо ярче и ослепительнее эти звезды сияли в наших глазах. Мы целовались как сумасшедшие, и, казалось, ничто в мире не способно нас разъединить.

* * *

Любовь расцвела, как цветок под солнцем. Первая, кристально-чистая, упоительно-волшебная. Я забыла обо всем на свете. О титуле, школе, родителях. Я забыла себя, потерялась в этих жарких днях и коротких летних ночах. Я забыла, что осталось меньше месяца каникул, я забыла, что скоро мне предстоит поездка в Лондон на ярмарку невест и представление ко двору. Это было так несущественно по сравнению с великой, могучей силой эмоций, захлестнувших меня тогда, в то прекрасное лето.

Только бы поскорее опять увидеть его улыбку, только бы удалось выскользнуть из корпуса, только бы успеть ухватить ускользающее счастье быть с ним, касаться его, целовать его... Я бежала на свидания, и сердце колотилось у меня в груди.

Думаю, многие заметили, что я изменилась. Я светилась изнутри, и улыбка не покидала моих губ. Однажды утром после завтрака Лилия приперла меня к стенке.

– Ты влюбилась!?! – ахнула она после моего краткого рассказа о Роберте. – Это же прекрасно! Боже, как я тебе завидую!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/plen_aleksandra/dolgiy-put-ot-lyubvi-do-lyubvi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)